

TEO-LOGOS

Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνός
Πηγὴ γνώσεως

Иоанн Дамаскин
Источник знания

УДК 141.4
ББК 86.37
И75

*Перевод на русский язык А. А. Бронзова
Вступительная статья А. В. Маркова*

Иоанн Дамаскин

И75 Источник знания / Иоанн Дамаскин ; [пер. на рус. яз. А. А. Бронзова; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 592 с. — (ТЕО-LOGOS).

ISBN 978-5-519-64987-2

Иоанн Дамаскин — самый поэтичный систематизатор богословия, показавший, как весь аппарат античной философии может быть преобразован для изложения парадоксов христианского учения. Неутомимый полемист, внимательный мистик, прославленный метафизик — универсализм Иоанна Дамаскина поражает и в наши дни. Чтение трудов Иоанна Дамаскина позволяет понять, как соотносится теоретическая философия с духовными и культурными потребностями жизни, исподволь вознося их на небывалую высоту.

**УДК 141.4
ББК 86.37**

© Марков А. В., вступительная статья, 2018

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64987-2

ПОЭТ НАСТОЯЩЕГО: ИОАНН ДАМАСКИН КАК ДОГМАТИСТ И ПРОПОВЕДНИК

Не напрасно прозвали Златоструйным, или по-гречески Хрисорроем, того, кто завершил золотой век богословия Отцов Церкви. Это не завершение, что отливается золотым слитком строгого чекана, разменной мерой готовых рассуждений, но которое проливается реками новых наблюдений, столь увлекательных, что они и себя увлекают как прозрачайший поток.

Иоанн Дамаскин, по рождению Мансур ибн-Серджун ат-Таглиби, прожил более ста лет. Родился он в Дамаске около 675 года в семье крупного чиновника. Дед его участвовал в передаче власти над Дамаском от византийцев арабам, или, как тогда бы сказали, от империи Ромула — правителям из потомства Агари, наложницы Авраама. Христиане Ближнего Востока для нас известны разве как меньшинство Палестины или Ирака, но на самом деле сирийское, палестинское и арабское христианство было фронтиром культур: на стыке персидских походов, византийского администрирования и внезапной блистательной государственности Халифата еще били родники эллинизма,

доходя из поколения в поколение до Китая, Эфиопии и Кавказа. Попав в Дамаск того времени, мы бы приняли его за Рим или юг Италии: базилики с колоннами, торжественные мозаики, мраморные мостовые и склады стратегических запасов, строго рассчитанное снабжение и необходимость вдохновенных внешнеполитических решений — все было и обещало быть на месте. Отец Мансура Серджун, или Сергей в византийском произношении, служил логофетом, главой канцелярии, а мы бы назвали его канцлером или руководителем администрации.

Превосходнейший Серджун нанял Мансуру учителя, грека из Калабрии. Для нас Калабрия — южная окраина Италии, рай пасторальных каприччо, с обрывистыми берегами, к которым едва пристанут корабли. Но тогда это еще были земли великой Греции, где по-гречески говорили чаще, чем на любом ином наречии; земли защищенные, следовавшие из века в век одним и тем же обычаям и тем же непреложным уставам. Так что калабриец по имени Косьма, купленный на арабском невольничьем рынке, был, конечно, знатоком греческой словесности и музыки — вполне возможно, что именно в Калабрии помнили те музыкальные хитрости, равно как и поэтические плоды воображения, о которых могли позабыть в других местах за суетой. Греческий книжник учил астрономии и музыке, пасторальной поэзии и проповеднической риторике, учил утром и учил вечером.

Вместе с Мансуром у греческого наставника учился сирота Косьма, сводный брат Мансура, из богатого, но прерванного рода. Позднее Косьма станет церковным поэтом, творцом канонов, епископом Маиума. Иоанн Дамаскин и Косьма Маиумский превратили прежние «двупеснцы» и «трипеснцы», как бы мы сказали, духовные куплеты, при-

лагавшиеся к библейским песням, иногда объединявшиеся в причудливые ряды, как в покаянном произведении Андрея Критского, в устойчивый жанр. Библейские песни — это благодарственные гимны, исполненные Моисеем и другими ветхозаветными деятелями и цитируемые в канонических книгах Библии. Всего их девять, причем девятая песнь уже новозаветная: приводимый Лукой гимн Девы Марии на событие Благовещения.

Основа жанра канона — проживание всей истории Ветхого Завета как истории собственного существования, внутри которой говорящий взрывается эмоциями: раскаянием или похвалой, размышлением или решимостью. В основу канона положена «типология»: восходящее к Оригену правило, по которому любое событие или вещь Ветхого Завета — лишь прообраз или тень истинного бытия Нового Завета. Типология, превращая исторические события в «те-ни» и «прообразы», делала новозаветные смыслы не просто более высокими, но более реальными, — реальнее всего известного бытия. Создание канона явилось новым шагом в типологии: оказалось, что Ветхий Завет — не просто прожитая, но проживаемая история; это непосредственный опыт, превращающий новозаветные образы в решения и решимости действовать. И не только поэтические, но и прозаические сочинения Иоанна Дамаскина показывают, как догматика становится такой живой решимостью, таким смелым выбором, совершенным ровно в меру совершившейся истории. Догмат истинен, потому что на исторические вызовы может ответить только истина.

Судя по всему, после перевода канцелярии на арабский язык в администрации Дамаска прошли серьезные сокращения, и Мансур уже не мог рассчитывать на карьеру. Он предпочел чистое монашеское внимание пестрому разви-

тию своей страны и удалился в монастырь святого Саввы Освященного близ Иерусалима. Точно так же четырьмя веками позже в монастырь Святого Креста под Иерусалимом удалится логофет царицы Тамары Шота Руставели, чтобы завершить Витязя в тигровой шкуре. Обычай иерусалимских монастырей мало спать и много упражняться в чтении повлиял на весь христианский мир: например, этот обычай воспроизвел армянский монастырь в Нареке, давший величайшего средневекового поэта Григория Нарекаци, а «иерусалимский устав» монастыря Саввы Освященного — авторитетнейший в Русской церкви со времен митрополита Киприана Киевского, Русского и Литовского, ученика афонских хранителей безмолвного внимания. Примеры двух святых, Иоанна Дамаскина и Григория Нарекаци, показывают, как великая поэзия возникает при таком напряженном суточном круге, смене общественных и частных богослужений, размышлений, трудов, почти не дающих места для сна, но освобождающих место для обобщений: для образов, способных схватывать не только вещи, но и самые состояния духовных вещей и смыслы протягивающихся через всю священную историю событий. Когда библейские чтения вплетаются в поучительные размышления, подхватывающие самую жизнь, то нельзя не видеть единства библейской истории, как наибольшего увлечения мыслящего человека; как истории, которая чем более понятна, тем более захватывает воображение.

Вскоре после пострига Иоанн Дамаскин был рукоположен в священники. Эпизод из Жития, известный нам по поэме А.К. Толстого, как Иоанн Дамаскин из милосердия нарушил аскетический запрет не сочинять стихов, должен быть понят скорее как притча, в духе античных биографий поэтов, подчиненных логике убедительного иносказания:

Иоанн Дамаскин представлял спасение как единственное содержание поэзии, и дерзновенное милосердие смогло придать этому содержанию форму. Вероятно, он не просто подчинялся суровому духовнику; как настоящий мастер, он был не менее суров к себе, чем духовник к нему, — но дерзновенным сочинительством заставил сочувствовать ему даже духовника, менее всего ожидавшего поэзии в монастыре.

Стоя перед престолом, Иоанн был строг к себе и добр к слушателям, которых он мог не просто увлечь проповедями, а рассказать в них истории своей и чужой жизни. До нас дошли его слова на Богородичные праздники, и некоторые другие проповеди: в них Иоанн мешая цитаты пророков с трепетом и изумлением, подробные пересказы Писания — с напоминанием слушателям об их обязанностях на праздник. Иоанн Дамаскин словно проводит репетицию спасения в таких праздничных проповедях, обучая не просто внимательно слушать, но заранее знать, как ступить в область спасения и как даже в будущем освоиться в ней. Для него смелые метафоры Библии — не плод индивидуально-го восторга, но картография будущего: если премудрость сравнивается с бездной, а небо с престолом, то не потому, что всемогущество Божие просто описывается, но потому что премудрость требует стремительности, уподобляемой разбе скорости свободного падения, а небо — той стойкости и степенности в каждом поступке, которая видана разве во дворце.

Дамаскин начинает реформу проповеди, когда она превращается из мысленного публичного шествия в сторону праздника, как было у Иоанна Златоуста, в мысленную репетицию действия, на которой все слушатели могут на себя примерить роли спасаемых и свидетелей, а не лишь ревност-

ных почитателей праздника. Не с францисканцев с их непритворной истиной, на глазах рушащей любое притворство в людской среде и людских душах, и не с Бернара Клервоского с его кристальной суровостью, а с Дамаскина следует отсчитывать это новое качество проповеди как строжайшей ответственной репетиции; превращение проповедника из начальника хора в режиссера, велящего до-стать истину из-за кулис ожиданий.

Как проповедь звучат и слова Иоанна Дамаскина в защиту иконопочитания. Противники почитания икон, иконоборцы, считали, что они материализуют Бога: ведь если во Христе есть божественная и человеческая природа, то краски и другие материалы передадут человеческое скорее, чем божественное. На это Дамаскин отвечал, что Бог почтил состав тела, плоть и кровь, и тем самым почтил и другие материальные вещи. Икона — образ непостижимости того, как Бог сделал постижимой свою милость к материи и к людям. Раз Бог не просто воплотился, но готов обнять любого человека, приходящего с покаянием, то и любая икона, как портрет, если она готова обнять с любовью понятие о Боге, оправданна и заслуживает уважения. Евхаристия исповедует воплощение Бога, а икона — спасительные действия Доброго Пастыря.

С защитой икон связано известное предание: иконоборцы будто бы устроили политическую интригу против еще влиятельного при дворе халифа Иоанна, так что ему была отсечена рука в знак отрешения от управления, но икона Богородицы стала поводом для исцеления Иоанна — копию своей руки он принес как обетный дар, и она стала частью композиции Иерусалимской иконы, получившей название «Троеручица». Как бы ни выглядела историческая основа приведенного рассказа, важно здесь, что сама икона